

ЧАКАЛИДИ Флорин Гиевич — соискатель Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; mr.kafka@inbox.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОСЕТИНО-ИНГУШСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Сложные и противоречивые осетино-ингушские отношения рассматриваются в рамках этнополитической методологии сопоставления определяющих факторов и политико-управленческих решений. Выделены пять основных этапов формирования кризиса осетино-ингушских отношений в XX в. Фундаментальным началом конфликтогенности признаны противоречия в поземельных отношениях этносов. Трагедия сталинского террора и сложные решения в преодолении его последствий вывели межнациональные противоречия в сферу символической политики, национальной мифологии. Подчеркнута роль национальной интеллигенции в формировании установок конфликтного политического поведения этнических групп.

Ключевые слова: осетино-ингушский конфликт, факторы этнополитического конфликта, региональная специфика политического управления

Осетино-ингушское противостояние в современной политической истории Отечества занимает особое место, т.к. применяемые стратегии политического управления конфликтом оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на общий вектор развития всего Кавказского региона.

31 октября — 4 ноября 1992 г. на территории Пригородного района Северо-Осетинской АССР (СО АССР) развернулись вооруженные столкновения между осетинами и ингушами, которые рассматриваются как осетино-ингушский конфликт. В результате правовой коллизии, вызванной противоречием законодательства разного уровня, статус североосетинской государственности с 20 июля 1990 г. по 9 ноября 1993 г. отдельными субъектами политико-правовых отношений определялся по-разному. В частности, республиканские власти полагали, что это советская социалистическая республика. В настоящей работе принято наименование, имевшее равно признаваемый статус до возникновения данной коллизии. Представители противоборствующих сторон дают диаметрально противоположные интерпретации источников и причин вооруженной фазы конфликта. Ингушские политические деятели и ряд исследователей характеризуют происшедшие в 1992 г. события как «этническую чистку ингушей» [Матов, Албогачиева 2012: 171; История Ингушетии 2011: 447; Шнирельман 2006: 229]. Осетинская сторона считает, что осенью 1992 г. ингушские незаконные воинские формирования совершили агрессию по отношению к территории Пригородного района СО АССР, в результате которой пытались незаконно отторгнуть спорные территории [Бзаров 1997; Блиев 1999: 298]. Несмотря на прошедшие со времени вооруженной фазы конфликта годы, стороны в интерпретации событий осени 1992 г. остаются на прежних позициях.

Политическая оценка конфликта осетинской стороной впервые была дана на 18-й сессии Верховного Совета СО АССР 10 ноября 1992 г. Председатель Верховного Совета СО АССР А.Х. Галазов употребил термин «агрессия»: «В основе кровавой агрессии на нашу республику — притязания на Пригородный район и правобережную часть города Владикавказ...»¹. В резолюции съезда

¹ Галазов А. Выступление на сессии Верховного Совета Северо-Осетинской АССР. — *Северная Осетия*. 1992. 11 ноября.

конфликт трактуется как «заранее подготовленная... вероломная агрессия бандитских формирований ингушей против суверенной Северо-Осетинской ССР»¹. Окончательное закрепление термина «агрессия» в политическом дискурсе Осетии произошло на Втором съезде осетинского народа 22 мая 1993 г. С этого момента и в заявлениях политических лидеров, и в работах большинства осетинских исследователей «агрессия» становится ключевым понятием осетинского дискурса в оценке событий 1992 г.

Политическая оценка событий 1992 г. ингушской стороной была закреплена в документах Чрезвычайного съезда ингушского народа (февраль 1993 г.) и в постановлении Народного собрания – парламента Республики Ингушетия в сентябре 1994 г. С точки зрения политического руководства Ингушетии, конфликт представлен как «насильственная депортация ингушского населения с территории Северной Осетии, этническая чистка Пригородного района и г. Владикавказа Северной Осетии» [Тишков 1997: 393].

Заметим, что формирование конфликтного потенциала осетино-ингушских отношений происходило на всем протяжении XX в. и во многом было детерминировано политическими решениями советской власти, прежде всего многочисленными административно-территориальными преобразованиями на Северном Кавказе.

Создание и распад Горской Автономной Советской Социалистической Республики (1921–1924 гг.) фактически были первым этапом политического управления Северным Кавказом советской властью, в рамках которого предпринималась попытка создать общую интернациональную идентичность. На наш взгляд, уже в этот период начали формироваться различные стереотипы необходимости этнического самоопределения народов, а основной причиной распада единой общегорской автономии была проблема землепользования.

В результате создания на месте бывшей Горской АССР национальных государственных образований земельные противоречия трансформируются в территориальные споры. Фактически во второй период политического управления Северным Кавказом (1924–1944 гг.) земельный вопрос начинает приобретать окраску непримиримых межэтнических противоречий. Агентом формирования нового вектора межэтнических взаимодействий выступает бюрократия национально-территориальных округов.

Национальная бюрократия становится первым и наиболее настойчивым носителем государственных иллюзий, и во многом благодаря ей, а также формирующейся национальной интеллигенции конфликты (прежде всего, земельные) между представителями различных этносов начинают рассматриваться как ключевые. Фактически уже на этом этапе политического управления субъектами межэтнических столкновений становятся государственно оформленные этнические группы – автономии, а межэтнические отношения начинают наполняться символизмом и сакральностью.

Третий период советского политического управления вмести в себя депортацию некоторых кавказских народов (в т.ч. ингушей) в 1944 г., а также их возвращение в 1957 г. в места постоянного проживания. В январе 1944 г. Государственный комитет обороны принял два постановления о депортации чеченцев и ингушей: 1) № ПГКО-5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР»; 2) № ПГКО-5074сс «О мерах по под-

¹ Постановление Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 10.11.1992 г. № 315 «О вероломной агрессии ингушских национал-экстремистов и мерах по обеспечению безопасности, законности и правопорядка в республике». – *Северная Осетия*. 1992. № 219. 12 ноября.

готовке и осуществлению перевозки спецпереселенцев с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию»¹.

Депортация части кавказских народов запустила механизм очередного национально-территориального переустройства региона. После депортации начались массовые миграции населения из других районов страны на опустевшие территории бывшей Чечено-Ингушетии (ЧИ АССР). На места проживания депортированных народов заселялись представители других этносов. И эти переселения зачастую также носили насильственный характер. С момента депортации ингушей и принудительного заселения на их территорию осетин осетино-ингушские отношения приобретают ярко выраженный конфликтогенный характер.

Ингушское население начало возвращаться из ссылки в 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1957 г. бывшая ЧИ АССР была восстановлена, но уже в иных территориальных границах. Под юрисдикцией Северной Осетии остались: Пригородный район (исключая Джейрахское ущелье), правобережная часть Дарьяльского ущелья, а также часть Пседахского района бывшей ЧИ АССР, который связал основную территорию СО АССР с Моздокским районом.

После возвращения депортированных народов из ссылки союзное руководство меняет тактику политического управления национально-территориальными образованиями Северного Кавказа, в регионе устанавливается консервативный режим стабилизации, который, по идее, должен был дезавуировать предшествующий этап политического террора. Однако болевые точки межэтнического взаимодействия никуда не исчезают, инициатива политического управления в сфере межнациональных отношений спускается на уровень национальных автономий. Характерной чертой четвертого этапа политического управления (1957–1973 гг.) становится формирование символической политики этнической неприязни, что американский социолог С. Кауфман назвал «символической ненавистью этнической войны» [Kaufman 2001].

В осетино-ингушском противостоянии усиливается аспект негативных этнических стереотипов противоборствующих сторон в отношении друг друга, в которых каждая из них пытается объяснить свою позицию с точки зрения своей «исторической правды и справедливости». В Северной Осетии, благодаря сталинской идеологической машине, за ингушами закрепляется образ «народа-предателя», «народа-коллаборациониста».

В 1956 г. Совмин СО АССР издает распоряжение № 063с, в котором предлагает категорически запретить продавать дома ингушам, возвращающимся из спецпоселений, а уже совершенные сделки купли-продажи аннулировать. Впоследствии руководством СССР и СО АССР будут приняты еще два постановления (в 1982 и 1990 гг.), которые будут ограничивать прописку ингушей и выделение для них земельных участков.

В годы десталинизации, если следовать логике американского политолога Р. Патнэма [Putnam 2000], обе стороны конфликта накапливают собственный социальный капитал. К началу 1970-х гг. национальная номенклатура в республиках превращается в самостоятельный элитный слой, который фактически представляет собой закрытую группу. Показателем определенного успеха в накоплении национальными элитами социального капитала стало межэтническое напряжение 1972–1973 гг.

В конце 1972 г. группа ингушских интеллектуалов (И. Базоркин, А. Куштов, С. Плиев и др.) подготовили письмо в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа»,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 275. Л. 11-18; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 163.

в котором было сформулировано требование возвращения Пригородного района ингушам. Авторы письма предлагали либо восстановить Ингушскую АССР, либо в целях сохранения территориальной целостности СО АССР создать Осетино-Ингушскую АССР [Матов, Албогачиева 2012: 169]. Ответа из ЦК КПСС не последовало. Ингушская интеллигенция, как, впрочем, и любая национальная интеллигенция советского периода, отличалась ярко выраженным радикализмом и глубоким провинциализмом.

В январе 1973 г. в Грозном состоялся многотысячный митинг, в котором приняли участие ингуши из всех районов ЧИ АССР, а также ингуши из СО АССР. Митингующие потребовали от союзных властей решить проблему Пригородного района и обеспечить ингушам социальное равенство с осетинами. Митинг закончился столкновениями с милицией, наиболее активные участники митинга были арестованы и осуждены.

На пятом этапе (1973–1989 гг.) советское руководство придерживалось тактики умиротворения, сглаживания противоречий. Ингуши впервые после депортации были избраны депутатами Орджоникидзевского горисполкома, а также Пригородного райисполкома. Помимо этого, на некоторые номенклатурные должности в СО АССР были назначены ингуши, появились радио- и телепередачи на ингушском языке, в школах Пригородного района ввели преподавание на ингушском языке [Базоркин 2002: 96-102]. Основной стратегией политического управления на данном этапе было опережающее развитие Пригородного района по сравнению с другими районами СО АССР, а также «ингушскими» районами ЧИ АССР. При этом доминировала тенденция ухода от публичного обсуждения существующих проблем. Республики и автономные образования Северного Кавказа обеспечивались материальными ресурсами гораздо лучше, чем иные регионы РСФСР, в надежде на то, что более «сытые» национальные меньшинства согласятся имитировать межэтнический и внутриполитический консенсус. В результате удалось отложить решение конфликтных осетино-ингушских отношений.

В научном дискурсе Осетии стали появляться высказывания, что ингуши не являются коренным населением Северного Кавказа, им свойственна агрессивность, т.к. они только недавно расстались с родоплеменным строем [Берозов 1980; Блиев 1983].

Осенью 1981 г. проблема межнациональных отношений, а также проблема Пригородного района в СО АССР вновь актуализировались. Поводом для массовых выступлений осетин в Орджоникидзе (ныне – Владикавказ) послужило убийство осетинского таксиста в Пригородном районе. В массовых выступлениях осетин против ингушей, по некоторым данным, участвовали 4 500 чел.; 800 чел. были задержаны, несколько десятков были осуждены [Шнирельман 2006: 298]. Митинг проходил под антиингушским лозунгом: «Осетия без ингушей!». С этого момента можно говорить о нарастающем кризисе осетино-ингушских отношений. После подавления массовых акций в Северной Осетии было принято специальное постановление Совмина РСФСР (5 марта 1982 г.), которое ограничивало прописку ингушей в Пригородном районе СО АССР.

К началу перестройки (1985–1991 гг.) содержание конфликта все больше наполняется символическими конструктами. Общим и в осетинских, и в ингушских политических действиях была установка на концепцию символической политики. Центральное место в ней занимает дихотомия «миф – символ», где миф – есть убеждение, которое придает событиям и действиям людей значимый для них смысл, а символ – эмоционально заряженная отсылка к мифу [Edelman 1971: 14; Smith 1988]. Политические действия противоборствующих сторон стали интерпретироваться в этнических символах.

Возрастание конфликтогенного потенциала в отношениях между осетинами и ингушами на рубеже 1980–1990-х гг. было зафиксировано эмпирическими исследованиями. Доминирование идеологических установок «одна нация – одно государство» у осетин и ингушей было выявлено, например, в ходе социологических исследований, проведенных социологическим отделом Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований в 1990 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

**Установки осетин и ингушей в отношении тезиса
«одна нация – одно государство», %**

Этнические группы	Каждая этническая группа должна иметь собственную государственность	Для каждой этнической группы невозможно создание собственной государственности	Затрудняюсь ответить
Осетины	61,6	19,6	18,8
Ингуши	76,3	6,2	17,5
Другие национальности	42,4	18,8	38,8

Источник: Научный архив СОИГСИ. Результаты исследований 1989–1992 гг. Ф. 65. Д. 27. Л. 15-17.

Установки на создание суверенных государственных образований дополнялись и сформированными к этому времени негативными гетеростереотипами в отношении друг друга. Гетеростереотипы отражают уровень взаимопонимания и комплиментарности между этническими группами – чем выше степень гетеростереотипной тождественности между этническими группами, тем меньше вероятность этнической напряженности [Солдатова 1998: 16-25].

К 1989 г. в условиях глубокого кризиса советской системы политического управления и дисбаланса региональной политики на Северном Кавказе стороны осетино-ингушских отношений пришли к формированию собственных этнополитических стратегий. По меткому выражению С.М. Маркедонова, этот период можно охарактеризовать как «этап концентрации сил для окончательной победы» [Маркедонов 2010: 70-77]. Была нарушена структура политического пространства. В любом политическом пространстве, как известно, присутствует иерархия структур политического управления и политического контроля от центра до периферии [Rokkan 2007: 95-122], и, естественно, когда эта иерархия нарушается, увеличивается межэтнический конфликтогенный потенциал, когда каждая из сторон начинает стремиться к автономизации и суверенизации.

Вооруженная фаза осетино-ингушского противостояния явилась во многом результатом кризиса системы политического управления в сфере межнациональных отношений, а также в определенной степени и следствием примордиалистского советского научного обществоведческого дискурса. Факторы кризиса осетино-ингушских отношений, формировавшиеся длительное время, не обязательно должны были привести к боевым действиям. Дисфункция партийно-советских механизмов административного управления, идейный вакуум добрососедства, неспособность национальных элит подняться выше уровня этнополитического мышления привели к крайнему обострению вопросов о земле и власти, итогом которого стала трагедия осени 1992 г.

Список литературы

- Базоркин И.М. 2002. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 6. *Письма. Заявления* (под ред. М.С. Мургустова). Магас: Сердало. 350 с.
- Берозов Б.П. 1980. *Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.)*. Орджоникидзе: ИР. 241 с.
- Бзаров Р.С. 1997. Социально-исторические и политические истоки межэтнических отношений в Северной Осетии. — *Национальные отношения и межнациональные конфликты: материалы всероссийской научно-теоретической конференции*. Владикавказ: Изд-во СОГУ. С. 132–139.
- Блиев М.М. 1983. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — *История СССР*. № 2. С. 54–74.
- Блиев М.М. 1999. *Осетия, Кавказ: история и современность*. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 330 с.
- История Ингушетии*: научное издание (отв. ред. Н.Д. Кодзоев). 2011. Магас–Нальчик. 483 с.
- Маркедонов С.М. 2010. *Турбулентная Евразия*. М.: Academia. 260 с.
- Матев Т.Х., Албогачиева М.С.-Г. 2012. Республика Ингушетия. — *Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром*. М.: Макс Пресс. С. 167–182.
- Солдатова Г.У. 1998. *Психология межэтнической напряженности*. М.: Смысл. 389 с.
- Тишков В.А. 1997. *Очерки теории и политики этничности в России*. М.: Русский мир. 532 с.
- Шнирельман В.А. 2006. Быть аланами. — *Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке*. М.: Новое литературное обозрение. 696 с.
- Edelman M. 1971. *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. N.Y.: Academic Press. 188 p.
- Kaufman S.J. 2001. *Modern Hatreds: the Symbolic Politics of Ethnic War*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 280 p.
- Putnam R.D. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster. 541 p.
- Rokkan S. 2007. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works*. N.Y.: Oxford University Press. 422 p.
- Smith A. 1988. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell. 312 p.

CHAKALIDI Florian Gievich, external doctorate student at the Institute for Human Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 Aleksandra Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236041; mr.kafka@inbox.ru)

FORMATION OF THE CRISIS FACTORS OF POLITICAL MANAGEMENT IN THE OSSETIAN-INGUSH RELATIONS

Abstract. The article considers difficult and contradictory Ossetian-Ingush relations in the framework of the ethno-political methodology of comparing the determining factors and policy-administrative decisions. The parties manifested the differences in the understanding of the nature and sources of the armed conflict in the assessment of the events in 1992. Until now, the evaluation settings have remained almost unchanged. This makes it difficult to find effective means of post-conflict settlement. The task of the article is to correlate the processes of the formation of factors of ethno-political conflict and the development of managerial decisions in a conflict-prone region. The author singles out five main stages in the formation of the crisis of Ossetian-Ingush relations in the 20th century. The fundamental origin of conflict is the contradictions in the land relations of ethnic groups. The tragedy of Stalin's terror and complex decisions in overcoming its consequences

led to interethnic contradictions in the sphere of symbolic politics, national mythology. The role of the national intellectuals in shaping the attitudes of the conflicting political behavior of ethnic groups is underlined.

Keywords: *Ossetian-Ingush conflict, factors of ethno-political conflict, regional specificity of political management*

ГАЛИНСКИЙ Ярослав Олегович – аспирант кафедры политологии и государственного управления факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (3300, Молдова (Приднестровье), г. Тирасполь, ул. Советская 114-59; 55stalker77@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема политического статуса Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов через призму принципов международного права и легитимации Приднестровья своим народом. Автор обстоятельно и предметно характеризует Приднестровскую Молдавскую Республику через ее важнейшие политические институты, рассматривает эффективность и востребованность действующей власти приднестровским народом. Автор показывает, как в условиях непризнанности, пользуясь сложным экономическим положением Приднестровья, с помощью различных объединительных проектов ему различными путями и средствами пытаются навязать реинтеграцию с Молдовой. Позиция автора заключается в том, что политический статус Приднестровья – независимое государство – определен самим народом через референдум и фактически является национальной идеей.

Ключевые слова: политический статус, политические институты, Приднестровье, Молдова, легитимность, суверенитет, референдум, реинтеграция

Проблема политического статуса самоопределившихся государств, к которым, безусловно, можно отнести Приднестровскую Молдавскую Республику, является чрезвычайно острой и весьма востребованной в системе международных отношений, особенно после признания целым рядом западных стран Косово, а также Абхазии и Южной Осетии Россией и четырьмя другими государствами. Сегодня самоопределившиеся государства с новой силой пытаются аргументировать свое право на самоопределение и образование независимого государства на основе принципов международного права и сложившихся мировых реалий, раз за разом обращаясь в различные международные политические институты с настоятельной просьбой о признании и международной легитимации.

Как независимое от Молдовы полноценно существующее государство Приднестровье появилось на политической карте мира 2 сентября 1990 г. в соответствии с решением Второго чрезвычайного съезда народных депутатов городских, районных, сельских и поселковых Советов Приднестровского региона по итогам всенародного референдума, показавшего решимость приднестровского народа бороться за свои права против национал-экстремистских юнионистских сил, стремящихся реинтегрировать Молдавское государство вместе с Приднестровьем в состав Румынии путем так называемого исторического воссоединения [Государственный суверенитет... 2006; Волкова 2010: 6, 447]. Сегодня оно де-факто является независимым государством, которое